

В. Г. Белинский

Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки

Виссарион Григорьевич Белинский

Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки

«...По этой пьесе могут понять, почему «Святочные вечера» так удивили нас. Здесь виден если не талант, то зародыш таланта. Мы выписали не лучшую, а кратчайшую пьесу. Автор, очевидно, не большой грамотей, еще новичок в своем деле; и оттого его язык часто в разладе с правилами, часто в его рассказах встречаются обмолвки против характера простодушия, который он на себя принял; он прикидывается простым человеком, хочет говорить с простыми людьми, ... Но несмотря на всё это, какое соединение простодушия и лукавства в его рассказе; какая прекрасная мысль скрывается под эту русско-простонародно-фантастическую форму!...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Святочные вечера, или
Рассказы моей тетушки**

Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки. Москва. В типографии М. Пономарева. 1835. Две книжки: I – 65; II – 50. (12).[1]

Чудно устроен белый свет, как подумаешь! Не напрасно говорит русская пословица: «По платью встречают, по уму провожают!» Вот катится по звонкой мостовой великолепная карета, которую мчит, как ветер, шестерня лихих лошадей; фореитор кричит громко «пади»; сановитый кучер с окладистой бородой ловко правит рьяными бегунами; две длинные статуи в ливреях горделиво стоят назади; треск, гром, пыль; мелкие экипажи сворачивают, прохожие бегут. И что ж? – Вы думаете, там, за полированными стеклами, на сафьянных подушках, сидит какое-нибудь божество, доблесть, слава, гений?.. Нет! там часто зевает пресыщенное честолюбие, самолюбивая глупость, дряхлое ничтожество, которое не стоит сбруи, дешевле позолоты! – А вот мчится легкая, воздушная коляска на паре вороных; мостовая с дробным ропотом вырывается из-под ней; Аполлон, светозарный бог искусств, с охотою променял бы ее на свою дрянную колесницу в древнем вкусе; в ней сидят мужчина и женщина: вы думаете, это чета влюбленных, упивающаяся всею роскошью, всем избытком и душевных и веще-

ственных благ, чета, дышащая атмосферой из радостей, восторгов и наслаждений жизни?.. Нет, это не то, это лохматая борода, черные зубы, слои белил и румян, это барыш и торговля, обман и бессовестие, словом, это те же лыки, те же мочала, только в позолоте другого рода, это та же ветошь, тот же отсед жизни, только под лаком другого цвета! Куда ж обратиться? Где искать и находить без ошибки, без разочарования? – Э, постойте! вот едет, или, лучше сказать, вот ползет на смиренной кляче какая-то умиленная фигура, с свертком бумаг в руке, в одежде служителя Фемиды. Пойдем к нему, поговорим с ним. Может быть, это один из тех людей, которые могли бы ездить в карете, но ездят на калибере, потому что мысль и чувство всегда предпочитали общественному мнению, а долг человека и христианина мишурным выгодам жизни, которые в сознании своего человеческого достоинства находят для себя достаточное вознаграждение за все лишения и страдания, добровольно ими на себя наложенные?.. О нет! это просто подьячий, человек, который никогда и не думал ни о чувстве, ни о мысли, ни о

долге, ни о человеческом достоинстве; чувство всегда полагал он в сытном обеде и рюмке водки, мысль для него заключалась в удобствах жизни, долг в повторении нескольких пошлых правил, затверженных им с юности, а человеческое достоинство в чине коллежского асессора и выгодном месте; едет он на калибере из трактира, где его угощал по силе возможности, чем бог послал, усердный проситель... Но я вижу, мы несчастливы во всех наших наблюдениях над разъезжающими на лошадях: попытаем счастья над пешеходами. Вот стоит нищий: подойдем к нему, скажем ласковое слово, подадим копейку – он наш брат по Христе; узнаем, почему он нищий, зачем он нищий. Может быть, это одна из тех горделивых и непреклонных душ, которая хочет или всего, или ничего, один из тех крепких и гордых кедров человечества, которые, стоя на величайшей вершине мысли и чувства, могут скорее переломиться, нежели погнуться от бури несчастья; один из тех людей, который любил людей, хотел им добра, требовал от них сочувствия и, не получив его, захотел жить на их счет, ничего не делая им, пре-

зирая и их хвалой и их осуждением; или, может быть, это человек выстрадавшийся, падший под бременем несчастья, для которого нет ни добра ни зла, ни чести ни бесчестия, ни гордости ни унижения, живой автомат, в котором не погас один инстинкт жизни и разве сознание своей нравственной смерти; или, может быть, это одно из тех дивных существ, которых называют дервишами, юродивыми, для которых нет на земле ни отечества, ни родных, ни благ, ни горестей, ни радости, которые не умеют трех перечесть и знают, что нас ждет за гробом, словом, один из этих великих поэтов, которые не пишут в жизнь свою ни одной строки и которые, тем не менее, великие поэты? – Нет – всё не то: это просто разврат, прикрытый лохмотьями, живая спекуляция на сострадание и милосердие ближних, леность, прикрывающаяся гримасою убожества и несчастья! – Где ж люди-то? В чем же они ездят, как они ходят, во что одеваются? Где ж люди? – Везде и нигде, если хотите; иногда и в каретах, иногда и в рубище на перекрестке. Везде: только помните, что это явления необыкновенные, редкие, исклю-

чительные. «Бочка дегтю, ложка меду»: вот вам великий мировой закон в пошлой форме!

То же самое представляет и книжный мир: «Бочка дегтю, ложка меду»! – Было время, когда книгопечатание почиталось чем-то святым и таинственным, когда им занимались со страхом и трепетом, как делом не житейским. И тогда печатались дурные книги, но от неумения, от невежества, от бездарности, а не от недобросовестности, не от умышленного и сознательного желания сделать из житейских выгод дурное дело. Теперь же, когда люди поддались коммерческому направлению, когда они спекулируют и религиею, и совестью, и правосудием, – теперь книгопечатание ни больше, ни меньше, как фабрикация сбыточного товара; так извольте ж после этого судить о книгах по их внешней, типографской красоте и достоинству? Здесь так же можно ошибиться, как и в людях. Что это такое, так изящно, просто и красиво изданное? – Это стихотворения Пушкина, того поэта, который первый объяснил для нас тайну поэзии. По заслуге честь! – А это что такое, так же хорошо, так же тщательно изданное? –

Это роман г. Булгарина – это «Александроида» г. Свечина! Видите: не одни *господа* ходят в модных фраках: в них щеголяют и *иваны*... [2] А это что за книга, напечатанная так скромно, как все книги, печатанные в типографии г. Греча, на такой сероватой бумаге, с таким множеством опечаток? – Это «Арабески» г. Гоголя, в них помещены «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего»!.. Теперь видите: не одни *иваны* ходят в байковых сертуках с медными пуговицами: в них иногда рядятся и *господа*, иногда от нужды, иногда по прихоти или беспечности. Что ж остается тут делать?.. По платью встречать, по уму провожать, как гласит мудрая русская пословица...

Перед нами лежит теперь книжка, или, лучше сказать, книжонка, напечатанная на бумаге, в которой отпускаются товары «авошных» лавочек, кривыми, косыми, слепыми буквами с ужаснейшими опечатками, грамматическими ошибками, словом, изданная в типографии г. Пономарева. И что же? Чтение этой книжонки порадовало нас и доставило больше удовольствия; нежели чтение многих «светских» романов и «светских» журналов.

Мы, может быть, и не увидели бы этой книжонки, потому что она, может быть, и не дошла бы до нас. Но нам о ней было говорено, как о редкости;[3] и мы ее достали. Надобно сказать, что мы читаем все доходящие до нас книги хотя до половины, хотя по несколько страниц, смотря по тому как сможется: это наше святое правило, это наше добровольное мученичество, за которое мы надеемся получить отпущение хотя в половине наших грехов, разумеется, литературных. Итак, мы развернули эту книжку с конца и прочли на пробу, что попало. И вот что нам попало прежде всего:

Чудная встреча

Рассказывают, конечно, мало ли что говорят! да не всякому слуху верь, но всё-таки рассказывают. Не ручаюсь, впрочем, правда то или нет, потому что в наших деревнях гороят иногда и господь ведает какие небывальщины; однако ж рассказывают, и именно наши старики родной моей деревушки; а нужно сказать, что едва где любят больше поговорить, как у нас в деревне. Но пора за дело: рассказывают, что в

нашей деревне был дьячок, имя ему... ох забыл... кажется Федот, точно – а по батюшке Макарыч, если не ошибаюсь. Этот самый Федот Макарыч был знаменитый сновещатель, или толкователь снов, а пуще сновидений; наша деревня вся к нему, как к оракулу, прибегала, мужички и бабы шли к нему на поклон, господа слали и присылали за Федотом Макарычем, и ему было житье хорошее, так что уж у Федота Макарыча и домик получше не токмо дьяконского, но и поповского, и в домике почище, да и на жене и на детях подороже да побогаче, чем, например, даже и на самой матушке попадье. Так велико ценили искусство Макарыча; но заметьте, дорогие читатели, что при всем своем уменье в снотолковании Федот Макарыч был, как бы сказать, не так чтобы трус, но и не совсем смелый человек, даже скорее похож был на первого. Случилось одному помещику пригласить Федота Макарыча разгадать один сон; он явился, и в минуту сон был разгадан. Толкование сна в добрую сторону расшевелило сердце помещика. «Пей, брат Макарыч,

пей!» – так раздавался голос хозяина. – «Ох, отец мой! не пью я, – кланяясь в пояс, отвечал Макарыч, – закаялся, сударь, увольте-с, право, увольте-с!» – «Нет, брат, пей, не отговаривайся, – говорил помещик! – Подайте-ка стакан пуншу еще!» – «Что с вами делать, милостивец!» – и принялся Макарыч за пунш. – «Без троицы и дом не строится! да дайте-ка еще Макарычу пуншу», – крикнул помещик. – «Воля ваша, батюшка, не вмоготу, право, сударь, домой не доплетусь!» – отговаривается Макарыч. – «Ну, вздор, братец, что за важная вещь! есть с чего опьянеть? давайте ему скорей стакан!» – «Пора, сударь, и домой, прощения просим!» – говорил Макарыч, откланиваясь помещику. – «Да погоди, брат Макарыч, или ты боишься, чтоб тебя не обидели нечистые на дороге?» – возражал помещик. – «Эх! сударь! не тут бы мне молвить об нечистых, они тож знают, кого им надобно! а я с роду моего ничего не боялся, да и с помощью моего мастерства надеюсь...» И умолк Макарыч.

– Впрочем, – начал один из гостей, – я

не люблю с недавнего времени этой дороги, что мимо кладбища идет; я вам скажу, со мной тому назад с неделю случилась довольно неприятная история; поехал я к зятю, откуда, немного запоздавши, и еду себе помаленьку домой: вот подъезжаю уж к тому березничку, что у самого конца погоста; лошади мои всхрапнули и разом в сторону, я глядь в бок... что ж, вы думаете, это было?

– Волчище, небось! – отвечал Макарыч.
– Какой тебе волчище? Кто-то длинный, сухой, тощий и весь в белизне, так вот чуть и не схватил меня за голову; лошади мои по пашне, да около рощи; и насилу-то уж к гумну доскакали... ну набрался ж я тогда страху!

– И, да чего ж тут пугаться! – возразил Макарыч; – а я бы себе просто... ну потихоньку бы и уехал от него... Помещик расхохотался. Наконец Федот Макарыч после низких поклонов убрался, вот вышел со двора за ворота, а там и в поле.

Сначала, пока еще кое-как светлело на небе и по дороге не было ни мрака, ни страху, ни туч, ни привидений, Федот

Макарыч шел бодро и скоро, только его приговорки: марш! марш! право! лево! и снова марш! марш! право! лево! и слышны были по дороге; а как начало темнеть, начало густеть на небе, и по дороге, впереди Макарыча, то стон пробежит, то лес зашатается, груды снега заходят, ему и стало жутко и страшно. «Что, если, – думает он, – да попадется мне покойник, как я пойду мимо погоста?» – Так и обомлел Макарыч при этой мысли. «Страсть да и полно! а обойти нельзя!» – Нечего делать: пошел кое-как Макарыч... а всё левей, то к пашне, то дальше от погоста. «Их, когда б другую-то половину так же перейти, авось!» И идет Макарыч, чуть глядит стороною на могилы да на кресты... Только вот и развалилась одна могила, и выходит оттуда кто-то белый... Макарыч вскрикнул и стал, как пень: ни вперед, ни назад от страху: в глазах у него только рябело да золотые звездочки прыгали, пособу (?) белого привидения не стало. Макарыч что ни есть духу пустился бежать по пашне, так и задыхается, а до конца погоста еще не

добежал. «Еще вот шага три, и я буду ж за погостом», – думает Макарыч, и еще пуще. Вдруг белый покойник из последней могилы да к нему навстречу. Макарыч как-то уж осмелился, и ну от него в сторону, а белая тень то за ним, то перед ним, так и вьется клубом. – «Вот сейчас за погост, вот-вот только шаг!» – и еще повернул налево. Макарыч перебежал что-то, как окоп, и застучал по камню ногами: тук! тук! тук! Только сбежал с него, камень разом приподнялся, и оттуда белая тень тоже вышла... Макарыч дальше, чугунная плита завывла под его ступнями, и оттуда вышла встревоженная тень. «Стой!» – заревел могильный голос из-под обрушенного камня. Макарыч оглянулся назад, и встревоженные тени перед ним; он тут понял, что он был на самом погосте, среди гробов и могил. – Нет, любезные читатели, он ничего не понял!.. Знакомые покойники, тени, облеченные в белые саваны, разверзтые гробы – вы можете себе представить, в какое положение всё это привело Макарыча!..

– Узнал ли ты меня, Макарыч? – спро-

сила его тень, сидевшая на подножии великолепного памятника. Макарыч был безответен; он не пришел еще в себя. – Да, мудрый сновещатель, разгадай мне сон: я спал вот под этим мрамором целых три года; и мне снился ужасный сон, редкий сон... разгадай мне ты, знаменитый твоим искусством! Но не забудь, мой сон совсем иной, он отрешен всего земного, в моем сне было пять сновидений. – Только при магических словах «сон, сновидение», мог образумиться Макарыч; он вслушивался в рассказ таинственной тени. – В первый год моего вечного сна я видел сон, что, предавши земле мое тело, люди поставили меня между светом и тьмою; всё радовало дух мой в первом, всё тяготило меня во второй!.. Долго был я посреди их, пока наконец мне стали слышны последние удары грома, разодравшего тьму и проявившего свет в настоящем его блеске; меня окружил он; помню, мне было сладко, легко! Разгадай мне этот сон!

Макарыч молчал; ответ его был изумление. – Ну я сам скажу тебе: я разга-

дал в этом сне суд людей надо мною, суд страшный света над останками могилы, над прахом моим.

Этот суд иногда проходит сквозь хладную могилы сень, этот суд часто тревожит бедные кости.

Во второй год я видел сон, что приходили на мою могилу люди и тревожили меня, повторяя свету мое имя. Тут было много голосов надо мною, мне безызвестных. Я видел сон, как имя мое было с дружиной (?), с искусствами, в той светлой стороне, в которую перенесен я был минувшим годом. Ты не отгадываешь моего сна? – Это было сооружение надо мною памятника... Макарыч был попрежнему нем и неподвижен.

– Наконец, в последний год, я видел третий сон: я был унизан перлами, и душа моя горела чистою звездою.

В этом сне я узнал святые слезы детей-младенцев моих и их молитву, которая была чистою звездою души моей, светившею мне и в мраке подземном, в могильной моей ночи! – Вот тебе сны, из которых научись познавать жизнь смертного. Обман, коим ты

приобрел титул сновещателя, поручкою за твою темную судьбу? – Взгляни, если хочешь, на свой ум и свое бедное сердце, и увидишь сам, как ты ничтожен, если ты только понять это можешь. Смотри на самого себя»... И белая тень сорвала череп с головы Макарыча и отделила сердце его от других внутренних частей... Макарыч взглянул и ужаснулся самого себя!.. Я не досказываю вам, читатели, остального...

По этой пьесе могут понять, почему «Святочные вечера» так удивили нас. Здесь виден если не талант, то зародыш таланта. Мы написали не лучшую, а кратчайшую пьесу. Автор, очевидно, не большой грамотей, еще новичок в своем деле; и оттого его язык часто в разладе с правилами, часто в его рассказах встречаются обмолвки против характера простодушия, который он на себя принял; он прикидывается простым человеком, хочет говорить с простыми людьми, и между тем употребляет слова «фантазия, тени умерших» и тому подобное. Но несмотря на всё это, какое соединение простодушия и лукавства в его

рассказе; какая прекрасная мысль скрывается под эту русско-простонародно-фантастическую форму! Это не сказка казака Луганского, в которой часто нет ни мысли, ни цели, ни начала, ни конца. Советуем неизвестному автору обратить внимание на свой талант и видеть в нем не одно средство к приобретению тех жалких и ничтожных выгод, которые могут доставить ему Мурраи и Лавока толкучего рынка. Мы, с своей стороны, почтем для себя за долг следить за развитием его таланта и быть посредниками между им и публикою. Талант дело великое! Мы готовы идти отыскивать его не только на толкучем рынке, но даже в грязи Михонского болота, куда г. профессор Сенковский посылал А. С. Пушкина за «Библиотекою для чтения».[4]

Комментарии

«Молва» 1836, т. XIII, № 11 (ценз. разр. 31/VII),
стр. 300–310. Подпись – (В. Б.).

[^^^]

2

Подразумеваются лакеи, слуги.

[^^^]

Очень положительный отзыв о «Святочных вечерах» дал Сенковский, который, охарактеризовав неопрятный внешний вид книги, продолжал: «Но вообразите себе радостное удивление, если бы вы стали читать эту книжонку и сквозь все пошлые формы ее увидели в ней ум, шутку, проблеск чувства и воображения и, что всего лучше, что-то русское, национальное, что-то слышанное вами в народе! Это удивление испытали мы, читая «Святочные вечера»«, и оно заставило нас порадоваться появлению «Святочных вечеров»«... («Библиотека для чтения» 1836 г., т. XVI, Литер. летопись, стр. 45).

[^^^]

4

«Михонское болото» находилось, по преданиям греков, у подножия горы Геликон.

[^^^]